

Елена Трубина

Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России:

МЕЖДУ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ И ПРИКЛАДНЫМ¹

Elena Trubina

Thirty Years of Academic Urban studies in the Post-Soviet Russia:
Between the Fundamental and the Applied

Елена Трубина (Уральский федеральный университет, Центр глобального урбанизма, директор; Университет Северной Каролины в Чэпел-Хилл, Центр славистских, евразийских и восточно-европейских исследований, исследователь; Тюменский государственный университет, лаборатория междисциплинарных исследований пространства, исследователь; PhD) elena.trubina@gmail.com.

Elena Trubina (PhD; Professor, Center for Global Urbanism, Ural Federal University; Research Fellow, The Center for Slavic, Eurasian and East European Studies, University of North Carolina at Chapel Hill; Research Fellow, Laboratory of Interdisciplinary Space Studies, Tyumen State University) elena.trubina@gmail.com.

Ключевые слова: урбанистика, неолиберальный университет, магистратура, социальная мобильность

Key words: urban studies, neoliberal university, master's program, social mobility

УДК: 378.4+ 304.44

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_125

UDC: 378.4+304.44

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_125

Город постоянно напоминает нам о том, что могло бы быть, но чего нет, — пишет городской антрополог Абдумалик Симон. Эволюция российского урбанистического знания тоже включает множество историй незавершенных трансформаций. Пережив слом эпох, сегодня целый ряд исследовательских групп и харизматичных экспертов и активистов продолжает дело, начатое десятилетия назад Глазычевым и Высоковским, Коганом и Мееровичем, Раппопортом и Лаппо. Эта работа впечатляет упорством и разнообразием рефлексии городского роста и организации научных центров и магистратур. Промежуточным результатом этой эволюции является то, что «город» — в разных его модусах — вызывает неизменный интерес и используется для создания все новых междисциплинарных образований и образовательных проектов. В своей статье я обращаюсь к попыткам коллег соединить «гуманитарное» (историю) и «социальное» (география и социология), создавая на пересечении этих полей знания образовательные программы и научные

The city constantly reminds us of what it could be, but what is not, writes urban anthropologist Abdoumalik Simone. The evolution of Russian urban knowledge also includes many stories of unfinished transformations. Having survived the transition years, today a number of research groups, research centers, MA programs, experts and activists continue the work begun decades ago by Glazychev and Vysokovsky, Kogan and Meerovich, Rappoport and Lappo. This work is impressive in its persistence and diversity of reflection on urban growth and other processes. The intermediate result of this evolution is that the “city” — in its different modalities — is of continuing interest and is used to create ever new interdisciplinary formations and educational projects. I will address the colleagues' attempts to combine humanities (history) and social sciences (geography and sociology), creating educational programs and research projects with “city” at their intersection, in particular the MA programs in historic urban studies. The experience of such programs prompts us to address the problem of the high value of applied knowledge in the eyes of education organizers, grant

1 Статья написана в рамках выполнения грантового проекта при поддержке РНФ (№ 22-18-00679) (<https://www.rscf.ru/project/22-18-00679/>) и гранта Правительства РФ (проект № 075-15-2021-611) «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

проекты с «городом» в их центре, в частности проекты по исторической урбанистике. Опыт работы в таких программах побуждает обратиться к проблеме высокой ценности прикладного знания и в глазах организаторов образования, и в глазах грантосоискателей, и в глазах студентов. Проведя ряд параллелей между состоянием академической урбанистики на Западе и в России, я покажу, что в новых таксономиях успеха и в условиях нарастающей конкуренции высоко ценится знание, сулящее прагматическую эффективность, а обещающие его создать игроки получают больше шансов продолжать осмысленную деятельность. Я рассмотрю, к чему именно «прикладывается» знание о городе и какие коллизии возникают в ходе интенсификации процессов этого приложения.

seekers, and students alike. Drawing a number of parallels between the state of academic urbanism in the West and in Russia, I will show that in the new taxonomies of success and in the face of increasing competition, knowledge that promises pragmatic efficiency is highly valued, and players who promise to create it have a greater chance of continuing with meaningful (and funded) activities. I will consider what exactly knowledge about the city is applied to and what conflicts arise as the demands for making urban knowledge useful intensify.

Организация университетского урбанистического преподавания и исследования в России осуществлялась в особое время. Человечество недавно пережило переломный момент: сейчас впервые в истории большинство людей живет в городах. Трудно понять, что именно делать с этим демографическим фактом, и трудно понять, почему так мало внимания было уделено этой точке в развитии человечества. Но «городское состояние», «городские» жизнь, культура или опыт — это то, что вызывает сильный интерес, и это нечто гораздо более существенное, чем количественный демографический переломный момент. Призывы интернационализировать городские исследования на Западе раздаются давно, и самое интересное в этом научном поле — это попытки бросить вызов имеющимся вариантам осмысления городов, для которых главная модель — типичный европейский или американский город. Так, гости организованной нами в рамках празднования 20-летия издательства «НЛЮ» в 2012 году «городской» конференции на «Стрелке» (среди них были Харви Молоч, Стив Пайл, Людек Сикора, Каролин Шредер, Наталья Самутина (светлая ей память), Оксана Запорожец, Сергей Иванов) призывали добавить российский городской опыт к мировому посредством создания, скажем, Московской урбанистической школы — в дополнение к школам Чикагской и Лос-Анджелесской. Обе эти школы были школами в нескольких смыслах, наиболее важным из которых, по моему мнению, является тот, что в них транслировали создаваемое профессорами знание и учили его умножать. Сейчас непонятно, в каком времени говорить о сложившихся в России урбанистических научных школах (или их зачатках). Все постсоветское замкнулось в тридцатилетний круг, но в образовании и академической жизни, повторю, много инерции: занятия идут и планы строятся. Момент невероятной неопределенности мне, к примеру, мешает строить анализ чисто интеллектуальных трендов, поэтому мой текст, во-первых, представляет собой рефлексию организационных и институциональных моментов в преподавании и исследовании городов, а во-вторых, по состоянию на осень 2022 года фиксирует «срез» достигнутого (неизбежно неполный). До 24 февраля, готовя критические обзоры положения дел в тех или иных вузах или дисциплинах, мы привычно повторяли «требуется больше исследований на эту тему», но сейчас нет уверенности в том, что

те или другие исследования будут проведены. Вряд ли и жизненный опыт, близкий читателям этого журнала, а также практики и места современных географов, социологов, антропологов будут в скором времени рефлексивно схвачены. Какие профессиональные позиции были доступны и использованы работающими в этом поле специалистами и какие процессы их породили? Как академические урбанисты перемещались между такими субъектными позициями, как автор, активист и преподаватель?

Есть несколько личных и профессиональных причин, по которым эти вопросы мне особенно интересны. Работав на полную ставку в одном вузе и по совместительству еще в нескольких, сравнивая и наблюдая, участвуя в урбанистических конференциях и иных форумах, я задавалась вопросом о природе академической работы, ее эфемерности, ее специфической пространственности и временности, особенно в связи с реальностью «после 24 февраля». До этой вехи эфемерность российской академической работы усиливалась новыми приоритетами, вызванными существенной (и продолжающейся) реструктуризацией учебных заведений. Теоретически рассуждая, одним из способов, каким вузовские работники могли бы изменить ситуацию сверхцентрализованного распределения направляемых на городское развитие ресурсов, могло бы стать преподавание критической городской теории; такое преподавание, снова говоря теоретически, может быть механизмом социальных изменений [Нау 2001].

Упомяну в этой связи две фундаментальные сложности. Во-первых, урбанистика у нас предлагается главным образом в магистратуре. Начинать ей учить нужно с первого курса университета, как это делается в специализированных зарубежных департаментах, с тем чтобы и гуманитарный компонент органично входил в учебный план (та же история городов), и навыки критичности молодежь получала с младых ногтей, слушая своих профессоров, которые пишут критические работы и их на лекциях пересказывают. В вузах за пределами России студенты иногда жалуются на чрезмерный акцент преподавателей на критическом анализе, вплоть до того, что те провозглашают на занятиях, что если все студенты не выйдут с их курса критическими социальными исследователями, они будут считать свою миссию неудавшейся. Это, возможно, крайность, но у нас-то крайность противоположного толка. Если ты пишешь критические тексты о городах, приготовься к тому, что финансирование будет получать весьма сложно. К примеру, в России единственный городской грантовый проект, в котором я была руководителем, был поддержан РГНФ в 2010—2011 годах, хотя разнообразных заявок на гранты было послано десятка два. Вторая сложность — одно из самых драматичных последствий неолиберализации университетов. Несмотря на его предполагаемую важность, преподавание теряет значимость, так как университетские администрации более заинтересованы в исследовательских, а точнее в публикаторских, достижениях вузовских работников. В то же время магистратуры, представляя для администраций финансовую значимость, были для преподавателей хорошей возможностью разработать и прочитать новые курсы.

Мне важно донести до читателя компоненты интеллектуальных и педагогических проектов, задуманных и осуществленных по большей части нестолькими вузовскими преподавателями, с работой которых я знакома. Я вижу ключевой интеллектуальной задачей освещение различных способов, которыми знания и личности тех, кто преподает или проводит исследование,

влиять на их результаты. В идеале участвующее исследование строится на сотрудничестве, которое включает все аспекты исследовательского процесса, от определения исследовательских вопросов до популяризации результатов [Rosen 2021], в данном же случае сотрудничество, иногда мимолетное, послужило поводом написания для этой статьи. Иными словами, ниже я обращаюсь к тем проектам и текстам, с большинством исполнителей и авторов которых я так или иначе взаимодействовала². Как и у всех проектов, у них есть начало и конец, как есть временные и пространственные пределы собственной включенности. Вначале я сформулирую ключевые послылки своего анализа, затем обращаюсь к моему центральному кейсу — магистратуре по исторической урбанистике в Тюменском государственном университете, освещу место пишущих о городах и о городском и «просто» пространстве российских ученых в глобальной журнальной индустрии, коснусь работ авторов, которые, по-моему, составляют лицо российского урбанистического знания, и намечу некоторые итоги.

До и после 24 февраля

В своем понимании того, как шло и как идет преподавание урбанистики (наряду с урбанистическими исследованиями) в вузах России, я исхожу из четырех посылок. Во-первых, преподаваемые в вузах теория и история городов часто масштабны и абстрактны [Баканов 2013], а «приложить» их требуется к конкретным городам и конкретным профессиональным траекториям; во-вторых, история нестоличных образовательных и научных инициатив недостаточно описана, и часть своей задачи я вижу в том, чтобы привлечь к ней внимание. В-третьих, эта моя «сумма» неизбежно субъективна и строится, повторю, на моих контактах, сетях, опыте работы, попытках самой что-то организовать и провести. В-четвертых, хотя 24 февраля 2022 года многое в российской университетской жизни навсегда поменялось, она продолжается: диссертации надо дописать и защитить, за гранты — отчитаться, а учеба и работа в российском вузе может быть для многих молодых людей временным выходом в условиях нулевой социальной мобильности и ненулевой мобилизации.

Понимая под академической урбанистикой ту, которая сложилась и воспроизводится в вузах, отражается в академических же публикациях и ищет связь между университетами и урбанистическим знанием, я хочу подчеркнуть еще два момента. Во-первых, академическая урбанистика и то специфическое знание (часто неявное), которое задействовано в принятии решений девелоперами и чиновниками, сосуществуют почти без соприкосновения. Приглашенные, к примеру, на Урбанфорум звезды мировой науки о городах, составляют скорее декорум, призванный придать престиж этому собранию представителей властей и застройщиков. Во-вторых, следует подчеркнуть проницаемость границ между академической урбанистикой и публичными образовательными

---

2 Большое спасибо организаторам конференций и иных событий, где я со многими познакомилась: Ирине Нам, Кириллу Кобрину, Михаилу Лурье, Галине Янковской, Любови Фадеевой, Михаилу Рожанскому, Андрею Кабацкову, Илье Калинину, Василию Аузану, Софье Гавриловой, Михаилу Мальцеву и Денису Корнеевскому, Владимиру Козлову, Софье Мокрушиной, Ирине Кузнецовой, Карин Клеман и многим, многим другим.

программами (edutainment) — сотнями лекций о городской проблематике, записанных создателями разнообразных лекториев и прочитанных в центре «Смена» в Казани и в Ельцин-центре, на КРЯКК и «Нон-фикшн» и во множестве других институций. Кроме того, есть несколько значимых урбанистических просветителей, которые по разным причинам не работают в стандартных вузах (или их недавно покинули), к примеру социолог Петр Иванов (Москва — Красноярск) преподает в Свободном университете. Политолог Дмитрий Москвин — городской активист и популярный в Екатеринбурге гид, благодаря которому движение городских экскурсоводов пополнилось десятками членов, а их экскурсии всегда собирают публику. Там же, в Екатеринбурге, искусствовед Елена Ваулина работает экскурсоводом в конструктивистской Белой башне, собирая средства на поддержание башни в пригодном для экскурсий состоянии. Политолог Всеволод Бедерсон организовал в Перми множество публичных событий. Социолог Марья Леонтьева в Казани занята поисками идентичности столицы Татарстана. Социолог Елена Коркина координирует проект «Город иначе» в Иркутске. В Томске историк искусства Екатерина Кирсанова — краевед, градозащитник, куратор выставочных проектов, автор телевизионных циклов об истории города и также экскурсовод. Начальник отдела творческих проектов ГЦСИ в Нижнем Новгороде Александр Курицын среди прочих вел проект «Нижний Новгород: попытка современного описания (Арсенал / НЛЮ. Серия исследовательских резиденций)».

Поскольку в популяризации урбанистики я тоже принимала участие, по-ясню и лично свою позицию. Мой взгляд на развитие междисциплинарного поля преподавания и исследования «города» в России и ретроспективен, и сиюминутен, то есть я пытаюсь писать, оглядываясь назад, фиксируя при этом изменения «после 24 февраля». М. Фуко называл интеллектуалов «журналистами для себя самих», считая «озабоченность современностью» характерной чертой этой профессиональной группы, которая стремится «понять, что происходит в настоящий момент, что мы делаем, каковы властные отношения, понижающие нас без нашего ведома» [Фуко 2013: 22]. После выхода в свет моей книги «Город в теории» (2010), написанной по итогам лекционных курсов, прочитанных в УрФУ, Европейском гуманитарном университете (Вильнюс — Минск), Университете Тампере и т.д., летних школ и множества конференций я включилась в бум вокруг урбанистики, пришедший в России на 2010-е годы. Проявлениями этого бума были создание в НИУ ВШЭ (Москва) Высшей школы урбанистики (которая теперь носит имя ее основателя А.А. Высоковского) и ее научного журнала «Городские исследования и практики»; деятельность в столице Сергея Капкова; феномен парка Горького; работа института «Стрелка» и центра городских исследований бизнес-школы «Сколково» под руководством Ксении Мокрушиной (теперь возглавляющей один из отделов мэрии Бостона); онлайн-журнал «Урбан-Урбан», сделанный Егором Коробейниковым; серия «Studia Urbanica» НЛЮ, опубликовавшая не только переводы значимых книг, но и прекрасные сборники работ российских и иных авторов (см., например: [Бредникова, Запорожец 2014]); исследование «Urban Index Russia 2011» (опрос трех сотен экспертов из двенадцати российских миллионников); сотни лекций и круглых столов по всей стране, часть которых прочитала и провела я. Памятны мои интеллектуальные резиденции в Нижнем Новгороде и Кулдиге (Латвия), организованные по инициативе Кирилла Кобрина, что вылились в статьи, опубликованные для широкой российской пуб-

лики в «Неприкосновенном запасе» и других изданиях. С другой стороны, как вузовский работник и исследователь, согласившийся с глобальными правилами игры (publish or perish), я публикую статьи, в основном критические, в зарубежных урбанистических, географических и прочих журналах и вошла в ряд оплачиваемых и неоплачиваемых исследовательских проектов с финскими, немецкими, швейцарскими, американскими, французскими, английскими и т.д. коллегами. Вместе с Мартином Мюллером я создала исследовательский центр (Центр глобального урбанизма), «привезла» многих зарубежных коллег в Россию, и все вместе это создавало ощущение нормального профессионального существования. Мне довелось дискутировать с несколькими московскими (на Urbanфоруме), нижегородскими (на организованной Михаилом Калужским дискуссии в связи с ЧМ-2018) [Trubina 2020a] и екатеринбургскими чиновниками. На крутой перелом российской внутренней и внешней политики в 2014 году я отозвалась статьей под названием «“По-большому”: городская инфраструктура и власть над пространством» [Трубина 2014] (на Youtube есть еще запись моей лекции в Европейском университете на эту тему), на компанию «Моя улица» в Москве — другой статьей [Trubina 2020b], и возможность критически анализировать происходящее в России, в других местах и, конечно, в городской теории была и остается драгоценной. Сдавая настоящую статью в печать осенью 2022 года, я одновременно начинаю новый лекционный курс «Разрушенные и восстановленные города» для архитекторов и планировщиков одного европейского вуза.

Урбанистика и историки (на примере тюменской магистратуры «Историческая урбанистика»)

Популярность городской проблематики достигла своего пика к 2010-м, и редкий вуз в нашей стране не попытался этим воспользоваться. Слово «урбанистика» было пристегнуто к большому числу специальностей, от факультета урбанистики и городского хозяйства Московского политехнического института до «урбаниста-эколога», на которого учат в Дальневосточном федеральном университете, от магистратуры «Управление умным городом» в Санкт-Петербургском университете до многочисленных вариантов «городского развития и управления», предлагаемых в магистратурах по всей стране. Биологи и градостроители, социологи и политологи, экономисты и аййтишники попытались воспользоваться популярностью городской проблематики для привлечения студентов. Но нас больше интересуют гуманитарии, а в соединении городского и исторического знания и преподавания особенно активны историки. Среди урбанистических магистратур я бы выделила те, которые попытались соединить историю и урбанистику, то есть гуманитарное и социальное знание. В стране существует шесть магистерских программ по исторической урбанистике, и в одной из них, созданной в Тюменском университете, я читала введение в урбанистику в течение трех лет, так что представляю, как там обстоят дела. Чикагская школа социологии, как мы помним, немало сделала для институционализации дисциплины, а в Тюмени были предприняты усилия по институционализации урбанистики. Там «историческую урбанистику» сделали единственной магистерской программой на истфаке, и тут, конечно, сказался авторитет историка Александра Еманова — автора книг о Кафе-Феодосии

[Еманов 2018] и Тюмени и Таре [Еманов 2021]. Что касается последней, то Еманов расшифровал, прокомментировал и снабдил историческим контекстом старинную рукопись, написанную на старорусском и церковнославянском, о событиях июля — ноября 1634 года, когда на Тару и Тюмень — бывшие земли Орды — совершили набег кочевники. Он занимался историей Чинги-Туры, столицы Сибирского ханства, а также Татаро-Бухарской слободы, где потом стали селиться русские, и эти истории (в сочетании с неизменно популярной риторикой умного города) активно использовались его командой для того, чтобы привлечь интерес к магистерской программе со стороны городских властей и готовить места для практики магистрантов [Белюсова 2019]. Мы помним, что лидеры чикагской урбанистики активно, как говорится, готовили себе научную смену, так и Еманов и его другие старшие коллеги вдохновляют на научные подвиги среднее поколение ученых. Более того, расспрашивая магистрантов, над какими проектами они работают, я с удивлением услышала, что уже с первого месяца учебы была налажена их работа под началом научных руководителей: кто выбрал археологов, кто географов, а кто историков.

Мне кажется, комплекс географических и урбанистических инициатив в Тюменском университете из всех городов страны больше претендует на звание «школы» (в смысле Чикагской). Научные и преподавательские школы в социологии науки определяют по-разному. Ли Харви дает такой перечень их форм: 1) небольшая неформальная подгруппа в департаменте; 2) формализованная подгруппа, также в департаменте, созданная в академических целях; 3) весь департамент; 4) неформальное объединение подгрупп из нескольких департаментов; 5) формальное объединение некоторых членов участвующих департаментов; 6) формальное междисциплинарное и/или междепартаментское объединение; 7) весь колледж; 8) автономная исследовательская организация, прикрепленная к колледжу [Harvey 1987]. Поскольку тюменская магистратура и связанные с ней инициативы сложились совсем недавно (а теперь вообще сложно сказать, что с ней будет, так как не все преподаватели останутся в ней работать), я бы сказала, что второй и четвертый варианты больше всего подходят для описания ее специфики, с той оговоркой, что тюменцы объединили подгруппы из нескольких департаментов нескольких вузов России, включая НИУ ВШЭ (Иван Митин [Митин 2017]) и УрФУ (Константин Бугров [Бугров 2018] и я).

Понятно, что аналогия с Чикагской школой социологии (надеюсь, лестная для тюменских коллег) может показаться весьма натянутой. Но ведь и история данной классической школы сопровождалась попытками максимально разнообразить спектр исследований. Это затрудняло видение общих оснований как изнутри Чикагского университета, так и при взгляде коллег из других вузов со стороны. Ссылок на школу нет даже в трудах самих ее выпускников [Harvey 1987: 259]. Для меня особенно значимо, что как в первой половине XX века авторитет чикагских ученых меркнул по сравнению с влиянием, которое имели их коллеги в Гарварде и Колумбийском университете, так и в недавнем нашем прошлом тюменский истфак, на котором была открыта обсуждаемая магистратура, ассоциации с высокой наукой или со средоточием урбанистического знания вызывал не у всех.

Другой момент, которым Тюменский университет интересен, состоит вот в чем. В нем, как и во многих других, проявляется коммерциализация и деполитизация существования вузов. Сокращение государственного финанси-

ния оборачивается тем, что за все более широкий спектр дипломов студентам надо платить, и диплом становится товаром (или очень ненадежным обещанием продвижения в карьере). Существовая под давлением нестабильного финансирования, распределяемого между лучшими лоббистами и генераторами инновационных программ, университеты постоянно испытывают кризис и реформируются. Реорганизация осуществляется в форме слияния департаментов в институты, ребрендинга и мобилизации в ответ на приоритеты государства. Университетские преподаватели теперь постоянно участвуют в решении значимых для вузовских администраций задач реорганизации, пытаются сократить нестабильность своего положения [Ball 2012]. В России нет системы пожизненного найма преподавателей, так что необходимость защищать свои шансы на работу систематически для десятков тысяч людей оборачивается необходимостью поддерживать спускаемые сверху инициативы, приоритеты и способы учета продуктивности.

Есть хорошая книга Джерри Мюллера «Тирания показателей» [Мюллер 2019], в которой он описывает, как государственные учреждения вводят разнобразные KPI, исходя из того что всю работу можно оценить количественно. Многие из нас в недавнем прошлом почувствовали себя поставщиками показателей для университетских администраций, и процесс этот глобальный. Все знают, что в России на смену знаменитой Программе повышения конкурентоспособности (или 5/100) пришел «Приоритет 2030» — новая схема финансирования преподавания и исследований, и для того, чтобы получать финансирование на научные исследования, нужен «взрывной рост показателей» (очень характерный термин), и этот рост легче продемонстрировать административно, умножая число научных центров. Осенью прошлого, 2021 года коллеги в Тюмени планировали создать ни много ни мало пять урбанистических научных центров, отдельно по культурным трендам, прикладной урбанистике, исторической географии, урбанистической антропологии и средневековому урбанизму и т.д. В показатели потенциальных работников этих центров — что опять весьма предсказуемо — были включены и «договоры с реальным сектором» в размере 400 тысяч рублей в год, и привлечение новых внешних средств (гранты 1 млн рублей), и публикация Scopus- и WoS-статей к 2025 году³. В каждый из этих центров предполагалось взять на работу молодые кадры, и тут вопрос об отсутствии места для академической урбанистики в существующей в России номенклатуре учебных и научных дисциплин встал достаточно остро. Нереалистично ожидать, что начальство разрешит нанимать «неостепененную» молодежь в эти центры, а если это молодежь со степенью, то она уже социализована в какие-то имеющиеся дисциплины, и почему она должна начать писать о «городе» (пусть даже и за хорошую зарплату)? Больше того, «неостепененной» молодежи нужны диссертации, чтобы увеличить свою социальную защищенность (иначе они так и будут кочевать «писателями статей» из проекта в проект, и это еще в лучшем случае), но какие?

Моя «молодежь» в Уральском федеральном университете сталкивается с подобными сложностями: аспиранту никто не мешает провести качественное исследование по городской мобильности и опубликовать об этом статьи, но диссертацию он будет защищать, скажем, по «пространству и времени как факто-

3 Приведенные здесь данные основаны на беседе с организаторами этого проекта, в ходе которой мне было предложено возглавить одну из упомянутых лабораторий.

рам и формам социокультурного процесса» (я цитирую здесь ваковский «паспорт специальности» по социальной философии), то есть нужно продолжать *имеющуюся в номенклатуре* дисциплину, упражняясь в привязывании к ней городской проблематики. Иными словами, магистратуру можно закончить по «умному городу», а диссертацию нужно защищать по социологии или истории, и на работу бы лучше устроиться на какой-то факультет, а не во временный грантовый коллектив. Вопреки этим сложностям и нереализованным замыслам в Тюмени сложился замечательный коллектив ученых — это Федор Корандей, Михаил Агапов [Корандей, Агапов 2015], Игорь Стась [Стась 2022] и еще несколько коллег, и до последнего времени в магистерскую программу по исторической урбанистике они ежегодно привлекали по двадцать-тридцать человек.

Чем это соединение истории и урбанистики интересно? Напомню, что ученые Чикагской школы в 20—30-е годы прошлого века использовали авторитет естественных наук для того, чтобы укрепить научную легитимность исследований социальных явлений. Город они сравнивали с живым организмом, на манер лабораторных экспериментов организовали массовые полевые исследования, а главное — на деньги филантропов — наладили опять же массовое написание научных текстов, частично объединенных методологией, рядом понятий и политическими взглядами. А сегодня организация и научной жизни и преподавания отмечена уже не синтезом естественного знания и знания социального (либо попытками максимально приблизить знание социальное и гуманитарное к позитивистским идеалам научности), а присоединением одного — популярного — поля деятельности (и то, что границы его размыты, в данном случае полезно) к другому полю, которому в условиях неолиберализации университетов надо доказывать свою полезность. Социально непрактичное и экономически бесполезное — так мыслится гуманитарное образование в кулуарных разговорах чиновников. Хронически невыгодные гуманитарные науки должны демонстрировать свою значимость, и урбанистика становится способом просигнализировать о привлекательной и для администраторов и для студентов полезности. Обещание возможности приложить полученное знание и успешно предложить на рынке труда диплом магистра-урбаниста — вот чем привлекали эта и другая магистратуры.

Хорошей стороной здесь является то, что «преподаваемые» исследования часто ведутся по месту жительства (я об этом писала и сама много таких провела) и продуцирование научного знания тем самым закрепляется, оседает в конкретных физических местах, материальных объектах и историях, которые мы о них рассказываем. Убедительность и притягательность местного и историй о нем тем самым встраивается в эту подчас весьма грустную грантовую политэкономю.

Тюменцы интересны еще и тем, что как ученые они занимаются тончайшими гуманитарными материями, а как организаторы образования они, возможно вынужденно, наращивают в нем прикладные аспекты. Другие компетенции выходят на передний план, в учебные программы закладывается компонент оценивания компетенций уже не «знаниевый», а «функциональный» (хотя сегодня мы не знаем, что останется от этого «болонского», на компетенциях основанного жаргона, поскольку наращивание суверенитета российского образования идет полным ходом). Предусмотрены практики не в научных учреждениях и университетах, а в организациях, занятых развитием

города, преподавание ряда дисциплин отдано специалистам из компаний, проектирующих городские пространства. Скажем, застройщик «Брусника» хочет понять образ старой заречной стороны, где в позднее Средневековье была Бухарская слобода, и здесь носители специализированной исторической экспертизы получают свой шанс. Между тем магистранты исторической урбанистики вполне реалистично оценивают перспективы «продажи» своих навыков на рынке труда или быстрого обретения известности. Последний свой курс в Тюмени я прочитала прошлой зимой. Я предложила магистрантам для финальных эссе прикладные задания, к примеру такое: «Вы опубликовали несколько статей о креативном сохранении исторического наследия Тюмени, но на Московский урбанистический форум вас по-прежнему не зовут. Как вы думаете почему?» Или такое: «Некий российский фонд недавно заказал российской культурной институции исследование: разработать KPI, то есть способы подсчета влияния культуры в городе на благополучие жителей. Фонд принадлежит одному из олигархов. Сформулируйте, (1) зачем такой заказ от олигарха последовал и (2) смогли бы вы с коллегами такой заказ интересно выполнить».

Эти мысленные эксперименты были предложены, чтобы проверить, до какой степени студенты очарованы типичными урбанистическими мифами («Сделаем везде Барселону»), и я была рада услышать, что особых иллюзий по части взаимодействия с городскими властями или с застройщиками молодые люди не питали. Мой опыт общения с властями и застройщиками весьма ограничен, а на занятиях я слушала тех, кто готов пополнить их ряды, но пытается понять сопряженные с этим риски. Не зря исследователи интересов экспертов указывают на «странную неопределенность современного управленческого разума, разочарование и раздвоение сознания его практиков и алхимию уверенности и двойственности» [Kennedy 2016: 286].

В Тюмень приехали учиться молодые люди из разных мест, и учеба в магистратуре познакомила их не только с тюменскими преподавателями. Межвузовские и международные партнерства и в целом вопрос о том, насколько российские исследователи городского пространства вошли в международную науку, составят следующую часть моего краткого обзора.

Межстрановые аффилиации: российские исследователи городского пространства и международная наука

Пытаясь понять, как изменилось место не только российских, но всех постсоциалистических ученых в глобальном академическом разделении труда, мы с коллегами (Надей Имхоф, Мартином Мюллером, Дато Гогишвили) провели масштабное исследование [Trubina et al. 2020] о том, как ученые из постсоциалистических стран Глобального Востока вошли как авторы (но не только) в международные географические журналы. Представленные ниже абзацы представляют краткий итог этого коллективного исследования. Мы использовали страну институциональной принадлежности в качестве косвенного признака для отнесения ученых к тем или иным группам. Инициировав концептуальное движение под названием «Глобальный Восток» [Mueller, Trubina 2020; Мюллер 2020; Трубина 2020], в отличие от других исследователей геополитики академических изданий, которые сравнивают англоязычных и не-

англоязычных авторов, мы выделили в отдельную группу этот мировой регион. К «Востоку» относятся 30 постсоциалистических стран: Вышеградская группа (Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия); государства — преемники Югославии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия, Косово, Черногория и Северная Македония); (другие) балканские государства (Румыния, Болгария, Албания); 15 государств — преемников Советского Союза; и Монголия. На основе лонгитюдной базы данных, включающей сведения о редакторах, членах редколлегий и авторов 22 ведущих англоязычных географических журналов с момента распада Советского Союза в 1991 году, в статье показано, как число авторов из постсоциалистических стран, в частности из новых стран — членов ЕС, выросло почти в семь раз с 1990-х годов (это самые высокие темпы роста среди всех регионов мира). Однако их представленность в качестве редакторов и членов редколлегий значительно слабее. В первый рассмотренный нами период (1991—1999) российские авторы *лидировали* среди всех постсоветских государств, но потом это лидерство потеряли. Подчеркну также, что мы рассматривали и урбанистические и общегеографические журналы. Две трети всех публикующихся по-английски авторов (на протяжении всех тридцати лет) — из Чехии, Венгрии, Польши, Словакии. Лидерами (из всех постсоциалистических стран) являются Чехия и Польша, а из всех постсоветских — Эстония. К 2017 году в международных журналах ежегодно публиковалось до пятидесяти чешских и польских ученых, до или около двадцати эстонских, венгерских и румынских, до двенадцати словацких и лишь около десяти российских авторов.

Статья стала частью эпистемологических дискуссий о маргинальной роли постсоциалистического Глобального Востока в «геополитике знаний» (и можно было бы сделать отдельную статью о причинах маргинальной роли изучающих города и в целом пространство российских ученых даже *внутри* группы своих постсоциалистических коллег). Да и о российских городах нашими и «ненашими» авторами написано крайне недостаточно. Приведу такой пример. В 2003 году я пыталась помочь немецкой приятельнице с доступом к началству московских стадионов. Она делала книгу о стадионах мира и их экономике. Очень быстро мы с ней услышали дружеский совет: «Девочки, хотите жить — найдите другую тему!» Книгу приятельница все же сделала [Steets, Frank 2010], просто там нет главы о Москве. А вот главы о стадионах Руанды и Ирана есть.

Есть миллиарды, которые тратятся на Урбанфорумы и иные способы «продвижения» позитивного образа столицы. Но мало серьезных глав и статей об экономике и политике современных российских городов, включая Москву и Санкт-Петербург, во многих зарубежных урбанистических сборниках и журналах. Есть хорошая книга Ольги Шевченко о кризисе и повседневности в Москве [Shevchenko 2009], но со времени ее выхода прошло больше десяти лет. На дворе другие кризисы — и какие! Поиск по зарубежным журнальным базам данных дает лишь считанные статьи о Москве после 2010-го, не говоря уже после 2014 года (я перечислю их ниже). В России есть, конечно, ряд людей, отлично работающих на современном материале, но они разрознены. Сложно получить финансовую поддержку исследований тех же стадионов, мегасобытий, культурной политики — практически всего, что чревато более или менее критическим анализом городской современности (и городских властей). Именно современности. Столицы империи — пожалуйста; умные города — конечно:

очень популярная у начальников тема. Безопасное (и лестное) далекое прошлое, манящее будущее, добротная, впрочем, история разнообразного советского либо стерильное теоретизирование вне времени.

Работая над анализом представленности постсоциалистических ученых в глобальных журналах, мы пришли к выводу о том, что поскольку, несмотря на постоянные проблемы, ученые из постсоциалистического Глобального Востока становятся все более заметными на международном уровне, то сейчас самое время сформулировать коллективный эпистемологический проект. Мы начали добиваться большей роли в переопределении условий и форм нашего участия, при этом не забывая, что никакие концептуальные инновации, ожидаемые от ученых региона, не смогут компенсировать отсутствие критического осмысления сложных политических вопросов, присущих все более неолиберализованному производству академического знания. В статье и на конференциях, где мы представляли этот проект, мы призывали коллег активнее читать статьи друг друга и активнее цитировать друг друга же, а не только англоязычных классиков. В кулуарах же мы все друг другу признавались, что именно цитирование известных западных авторов и работа с их аргументами многим из нас и открыла дорогу на международный публикаторский рынок. Люди также сетовали, что даже внутри своих стран ученые плохо представляют, чем занимаются коллеги в других вузах, ссылаясь и на плохое качество библиографических баз, и на упомянутую выше ориентацию не на своих авторов, а на западных.

Когда мы работали над этим проектом, то также столкнулись с такой трудностью: куда относить авторов родом из Софии или Москвы, которые давно или недавно переехали за рубеж, но продолжают изучать города и процессы в постсоциалистическом регионе? Для нас они были позитивным примером «пробившихся», в данном случае воспользовавшись условиями западной академии (далеко не всегда идеальными) и привнесших академические традиции вузов, в которых учились в аспирантуре и работали, в изучение российского материала.

Одними из первых с российской городской современностью продуктивно стали работать сын московского географа Юрия Голубчикова английский ученый Олег Голубчиков и его коллега Анна Бадина [Badyina, Golubchikov 2005], проницательно разобравшие финансовые и административные механизмы образования московской Золотой мили на основе теории джентрификации. Авторы вместе с географом из МГУ Аллой Махровой затем обратились к более общему анализу неравномерности российского городского и пространственного развития [Badyina, Golubchikov 2014]. Эту неравномерность они увязывают с возникновением в России неолиберального режима, то есть в избирательном направлении федеральных инвестиций в конкретные города или их отдельные районы или проекты и отсутствием на федеральном уровне четко сформулированной городской стратегии. Еще одно «трио» (немецкий урбанист Даниэла Зупан, американский географ Вера Смирнова и американский специалист по компаративной политической экономии Аманда Задорян) развили понятие «столичной практики» для демонстрации того, как в сверхцентрализованном государстве после начала затяжного экономического кризиса в 2014 году региональные элиты конкурировали за символические, а не финансовые ресурсы для реализации политики. Они показали, как центральные власти инструментализируют опыт Москвы, представляя его как ресурс,

доступный регионам. На примере программы реновации жилищного фонда в Москве и ее расширения в масштабе страны побуждение регионов подражать столице проанализировано авторами как создание видимости добровольности, в действительности только усиливающее зависимость городов и регионов от федерального центра, вынуждая их подчиняться политическим целям развития центра и делая городское развитие способом их реализации [Zupan et al. 2021]. Исследователь из Университета Хельсинки Анна Желнина разобрала московскую компанию под углом зрения процессов политической мобилизации [Zhelkina 2021], внося в имеющиеся исследования мобилизации важный акцент на взаимодействиях и частных жизненных стратегиях и показав, что ряд жителей были политически мобилизованы в результате совпадения или конфликта между их частными жизненными и жилищными стратегиями и программой реновации. Аспирантка Института европейских урбанистических исследований в Баухаус-Веймар Дарья Волкова критически рассмотрела логику коммуникации органов власти с обществом и выявила в ней две тенденции: успешно отчитаться и выставить себя главным героем всего достигнутого. Обезличенные горожане призваны — в отчетах и массмедиа — подтверждать правильность и успешность всех принятых решений [Волкова 2021]. Противоречия реализации московской модели реновации продемонстрировал другой международный коллектив, включивший берлинского урбаниста Матиаса Бернта, директора Центра прикладных исследований Европейского университета Олега Паченкова, аспирантку CUNY Ирину Широбокову и Санкт-петербургского антрополога Екатерину Кораблеву [Korableva et al. 2021]. Они показали, что реализованный в России вариант приватизации обернулся фрагментарными вариантами собственности, что помешало внедрить «экстремальные» модели регенерации больших жилых массивов. Однако, несмотря на неудачу этой политики, городская администрация Санкт-Петербурга стремится внедрять московскую модель, которая ограничивает право вето домовладельцев, допускает большие расстояния при переселении жителей и сориентирована на сверхприбыли застройщиков без предоставления льгот широким слоям населения.

Отличный дуэт миланского планировщика Елены Батуновой и работающей сейчас в Оксфорде Марии Гунко специализируется на убывающих городах. Настаивая на неизбежности этой тенденции и проанализировав содержания генеральных планов более чем ста городов, а также проведя интервью, ученые констатируют отсутствие у местных властей способности к стратегическому долгосрочному мышлению и пониманию связей между местными и более масштабными процессами. Их вывод решителен: «...бессмысленно принимать стратегии, ориентированные на рост, призывающие к поиску новых подходов, чтобы сбалансировать потребность в улучшении текущих условий жизни с уменьшением спроса на жилье и инфраструктуры в будущем» [Batu-nova, Gunko 2018: 1593]. Малыми и моногородами занимаются исследователи Наталья Веселкова и Елена Прямикова (над этой же темой с ними работал преждевременно умерший Михаил Вандышев). В центре их внимания масштабы социальной памяти, то есть механизмы приписывания местам разного смыслового веса и значимости (к примеру, индивидуальной, локальной или глобальной значимости) и возможности межпоколенческой трансляции памяти жителей новых и старых промышленных городов [Веселкова и др. 2016]. Понятие региональной памяти использует художник и географ со сложной аффилиацией Софья Гаврилова для освещения роли, которую играют крае-

ведческие музеи в сохранении сложной памяти, в том числе памяти о ГУЛАГе [Gavrilova 2021].

После 24 февраля с уверенностью хоть о чьей-то аффилиации и месте жительства говорить невозможно, но мне хочется все же дать краткое описание узлов той сети вузовских преподавателей, которые в разных городах страны что-то «о городе» сделали и написали. Эти узлы — города: российские урбанисты чаще пишут о своих или географически близких городах. Начну с Востока России. В Хабаровске я хочу выделить дуэт Натальи Рыжовой (теперь работает в Праге) и Татьяны Журавской, которым интересно, как возросшая транснациональная мобильность повлияла на процессы урбанизации в городах и на самопонимание граждан. Мобильный образ жизни мигрантов и иных живущих между несколькими странами людей и создает городские пространства и проблематизирует представления о себе и других. Осуществив длительное полевое исследование в «городах-близнецах» на противоположных берегах Амура Благовещенске и Хэйхэ, авторы пронизательно (и пророчески с учетом драматичных идеологических коллизий 2022 года) зафиксировали, как наплыв китайцев после 2014 года неумолимо откорректировал националистические иллюзии россиян. Он перевернул «условную геополитическую иерархию»: «вера в свое превосходство как представителей «великой державы» не иссякла не только в 1990-е, но и в 2000-е, когда изменения по ту сторону границы уже невозможно было игнорировать. Пока кризис 2014-го вдруг не изменил направление турпотока, пока в шоп-туры вдруг не поехали в Россию туристы из Поднебесной...» [Рыжова, Журавская 2021: 201].

Улан-Удэ прочно нанесли на карту городских исследований Николай Карбаинов (теперь в Санкт-Петербурге) и Анатолий Бреславский. Николай Карбаинов сочувственно описал «нахаловки» — незаконные поселения, возведенные на окраинах столицы Бурятии в 1990-х годах главным образом сельскими бурятами. Администрации города оказалось не под силу справиться с низовой самоорганизацией граждан [Карбаинов 2005]. Показательна смена тематики в разговорах о городе после наступления 2000-х, ее условно можно обозначить так: от внимания к городским конфликтам и борьбе граждан за свои права — к разнообразно понимаемому «брендингу». Один из образов Улан-Удэ в книге Анатолия Бреславского — «город с азиатской душой». Ученый продумывает возможности привлечения в город туристов и умножения образов, которые могли бы сделать Улан-Удэ более привлекательным. Опираясь на идеи советского архитектора города Л.К. Минерта, Бреславский предлагает активнее мыслить город как фронтир между степью и тайгой и как место слияния рек Уды и Селенги, берега которых, увы, загромождены промзонами [Бреславский 2012].

В Иркутске есть целая плеяда пишущих о городах авторов. Архитектор Марк Меерович (увы, скончавшийся несколько лет назад) оставил десятки замечательных книг, из которых самой значимой мне кажется та, что посвящена истории жилищного вопроса в СССР [Меерович 2004]. Власть, несколько десятилетий изощрявшаяся в порождении и поддержании темных людских страстей на почве жилищного вопроса, к началу перестройки в одной лишь Москве умудрилась оставить около миллиона людей в коммуналках и прочем недотягивающем до ее же провозглашенных стандартов жилья. Виктор Дятлов и Константин Григоричев сделали интересную коллективную монографию о этнических рынках в России [Дятлов, Григоричев 2015]. Михаил Рожанский организовал кол-

лектив иркутского ЦНСИ на работу над двумя исследовательскими альманахами, посвященным локальным сообществам региона и им же и адресованным [Рожанский 2002; 2007]. Входившие в этот коллектив авторы много написали о малых сибирских городах, например о Байкальске [Корюхина, Куклина 2019].

Москвичка Надежда Замятина настолько плотно занимается арктической урбанизацией, объездив, кажется, большинство городов Российского Севера, что логично поместить ее в сибирскую фракцию нашего краткого обзора. Сравнив города российской и зарубежной Арктики, она в соавторстве с Русланом Гончаровым сделала типологию развития арктических городов на основании таких критериев, как транспортно-географическое положение, наличие собственного вуза, административный статус, расположение в пределах агломерации более крупного города. К числу «ключевых многофункциональных (университетских) центров» авторами отнесены Мурманск, Архангельск, Анкоридж, Тромсё и другие, где проживает почти половина населения Арктики [Замятина, Гончаров 2020].

Большая работа была проведена коллегами по осмыслению Пермского культурного проекта [Игнатъева, Лысенко 2013]. Редчайшее у нас сравнительное исследование российских городов на примерах Екатеринбурга и Перми сделали политологи Всеволод Бедерсон и Ирина Шевцова, выразительно озаглавив свою статью «Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах» [Бедерсон, Шевцова 2020]. Продуктивный взгляд связанных с Пермью социологов и политологов на города отразился в проекте по созданию базы данных о городских конфликтах, их контексте и траекториях давления [Семенов, Минаева 2021]. Конфликты в Нижнем Новгороде интересно рассмотрели Елена Тыканова и Анисья Хохлова [Тыканова, Хохлова 2020].

Тема последствий для городов и граждан изменений климата, активно обсуждаемая в других странах, редко поднимается в России, и самая последовательная ее исследовательница живет в Казани. Полина Ермолаева с коллегами проанализировала освещение экологических вопросов в масс-медиа ряда российских городов и показала, что в нем доминируют проправительственные журналисты, представляющие все проблемы как успешно решаемые властями без широкого вовлечения общественности и игнорируя группы экологического движения [Ermolaeva et al. 2020]. Что касается изучения здоровья граждан и более активного к ним внимания за рубежом, в них участвуют и исследователи со сложной аффилиацией, в том числе американский урбанист Ксения Мокрушина, подготовившая с коллегами сравнительное исследование об управлении общественным здоровьем в техасском округе Харрис и городе Хьюстоне [Fulton et al. 2021].

В Иваново Михаил Тимофеев сплотил многих авторов в созданном им журнале «Лабиринт», а пишущих о городе не раз собирал на значимые конференции, посвященные авангарду, конструктивизму, равнинно-фабричной цивилизации и прочему. Он опубликовал о городе «НЕканонический путеводитель» [Тимофеев 2017] — плод глубокого и незашоренного знания города. В нем нашлось место и конструктивизму, и агиттекстилю, и ЖЭК-арту, и Сортировке, и Иваново деревянному.

Обнинск Галина Орлова с ее командой из ШАГИ исследовали как наукоград и как «город мирного атома», то есть место высокой концентрации НИИ ядерного профиля и специфических производств [Орлова 2017].

Заключение

История или генеалогия городской мысли в России не только за последние десятилетия, но и за два с лишком века — заманчивой проект, для реализации которого потребовалась бы деятельность исследовательского коллектива. От анализа работ областника Григория Потанина, интересно в XIX веке сравнивавшего между собой сибирские города, до деятельности учеников Вячеслава Глазычева, сохранивших архив и организующих конференции в его честь — многое могло бы войти в такую историю.

В предложенной статье на примере академической урбанистики я рассмотрела последствия неолиберализации высшего образования для преподавателей и ученых. Человеческое измерение этого процесса заключается в том, что деятельность и профессиональные отношения работающих в этой междисциплинарной области подчинены процессам «аудита», то есть постоянного измерения производительности академической работы и специфического подсчета результатов проведенных исследований. Статья в престижном журнале стала главным жанром работы, и этому правилу ученые подчиняются повсеместно. Если в других местах они это делают, пытаясь повысить свои шансы на академическом рынке, в России это скорее связано с шансом получить прибавку к скромной зарплате за публикации и необходимостью «отчитаться по гранту». С другой стороны, просматривая коллекции «Elibrary» и журнальные базы в поисках самых представительных текстов знакомых мне авторов, а также проведя дополнительный поиск по большинству российских городов, поиск в надежде найти побольше авторов, я думала, что не только коммерциализацией высшего образования объясняется универсальная сегодня ориентация на статьи как главный вид научной продукции. Их внушительное количество — неплохой критерий авторской состоятельности и представленности в академической урбанистике. Но даже если их всего несколько, вложенные в них труд и упорство — залог того, что автор продолжит писать. Одним из самых сильных моих собственных впечатлений от доведения статьи до публикации являются заочные встречи со щедрыми на советы и идеи и терпеливыми рецензентами. Некоторые из них, посылая тебя на второй и третий круг переделок, руководимы идеальным обликом твоего текста, который для тебя самой остается неведомым, но контраст между первым и последним вариантом статьи бывает очень сильным. Такое проявление требовательной коллегиальности драгоценно.

Приоритеты грантодателей и администраторов особенно значительно проявились в тематике проектов и текстов, в которых преобладает та, что прямо или косвенно легитимирует сложившуюся конфигурацию интересов стейкхолдеров (властей и застройщиков). Кратко разобранные здесь критические тексты главным образом написаны зарубежными авторами либо авторами со сложносоставной аффилиацией. Академическая урбанистика у нас должна была стать полем критического осмысления практики городского развития и должна была ставить под сомнение реализуемую в этом развитии политическую и экономическую логику, но вряд ли эту задачу она выполнила. Давление на людей реформ в университетах в сочетании с нулевой социальной мобильностью привели к тому, что критических и независимых авторов появилось совсем немного.

Как большинство из нас переживают счастливые моменты рождения интересной мысли, воспроизводя рутинные, технические и негламурные академические практики, так и магистранты проходят через болезненное избавление от иллюзий, которые «триумфальные», «позитивные» версии урбанистики успешно в последние десятилетия поддерживали. Этот момент ставит в сложное положение тех из нас, кто открывает урбанистические магистратуры с сильным прикладным компонентом. Мне кажется, обещание интересного трудоустройства, с которым до недавнего времени урбанистика ассоциировалась, ничем в России не подкреплено, и остается неясным, к чему именно можно было приложить полученное знание всем выпускникам таких программ. Возможность остаться в профессии (или профессиях) предполагает и устойчивость по отношению к рутине и соревнование за приличные условия взаимодействия на социальном поле на основе понимания неизбежности поворотов назад, подводных течений, специфики институциональных конфигураций и особых времен (которые, как известно, не выбирают).

Сотрудничая с большим числом западных коллег и общаясь со многими нашими авторами, часть которых — на временных контрактах и меняют работы между городами и странами, видишь, что от ненадежного профессионального и житейского положения их частично защищает хорошее владение аргументами городской теории, которая невероятно разнообразна. Тебя делают профессионалом не аффилиация, не место жительства и не паспорт, но умение построить «кейс» так, чтобы с его помощью найти лакуны даже в сегодняшнем городском знании, которое не оставило без своего внимания все масштабы происходящего — от антропоцена до цыплят на городских фермах, от войн до тюрем, от энергии до сорняков. Транснациональные условия работы проблематизируют «родные» географию, историю и институциональные и профессиональные иерархии. Появляются другие примеры для подражания и ролевые модели, а необходимость объяснить специфику российского кейса зарубежному коллеге-соавтору и анонимным рецензентам, как правило, оборачивается свежим взглядом на до боли знакомое (часто грустным).

Закончу на личной ноте. набросок упомянутого нового курса лекций о разрушенных городах я послала другу — культурному географу. Этот черновик я написала в апреле 2022 года, и коллега предложил мне подумать о том, что, в отличие от меня, осенью этого года (когда курс будет читаться) восприятие моими европейскими студентами события, поделившего мою и многих жизнь на «до» и «после», будет, скорее всего, спокойным и дистанцированным. Поэтому я должна построить эмоционально уравновешенный курс, в котором руины и разрушения сопоставлены с тем, что *возникает* на их месте. Я должна думать об инструментальных интересах молодых людей, повсеместно озабоченных широко понимаемой продаваемостью полученных в вузе навыков и знаний. Иными словами, уверенная в том, что в вовлеченных в продолжающуюся катастрофу странах мало что в ближайшее время *возникнет*, я должна буду сосредоточиться на происходящем в других местах. Elsewhere — термин, популярный в сегодняшних городских исследованиях [Robinson 2015], и я надеюсь, что другие места, воображаемые и реальные, а также педагогическая ответственность помогут другим и мне перейти от сознания безнадежности к осмыслению напряжения между возможным и невозможным.

Библиография / References

- [Баканов 2013] — *Баканов С.А.* «Urban History» и тренды конъюнктуры: опыт количественного изучения глобальной историографии // Историческая информатика. 2014. № 2—3. С. 74—79.
- (*Bakanov S.A.* “Urban History” i trendy kon'yunktury: opyt kolichestvennogo izucheniya global'noy istoriografii // Istoricheskaya informatika. 2014. № 2—3. P. 74—79.)
- [Белоусова 2019] — *Белоусова В.* В Тюмени появятся специалисты по созданию умных городов // Тюменская область сегодня. 2019. 4 мая (<https://tumentoday.ru/2019/05/04/v-tyumeni-royavyatsya-specialisty-po-sozdaniyu-umnyh-gorodov> (дата обращения: 06.07.2022)).
- (*Belousova V.* V Tyumeni royavyatsya spetsialisty po sozdaniyu umnykh gorodov // Tyumenskaya oblast' segodnya. 2019. May 4 (<https://tumentoday.ru/2019/05/04/v-tyumeni-royavyatsya-specialisty-po-sozdaniyu-umnyh-gorodov> (accessed: 06.07.2022)).)
- [Бедерсон, Шевцова 2020] — *Бедерсон В.Д., Шевцова И.К.* Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах. На примерах Перми и Екатеринбурга // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 4 (99). С. 153—175.
- (*Bederson V.D., Shevtsova I.K.* Koalitsii v obmen na loy'al'nost'? Otnosheniya vlasti i stroitel'nogo biznesa v krupnykh rossiyskikh gorodakh. Na primerakh Permi i Ekaterinburga // Politika. Analiz. Khronika. Prognoz. 2020. № 4 (99). P. 153—175.)
- [Бредникова, Запорожец 2014] — *Микроурбанизм: город в деталях* / Под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (*Mikroubanizm: gorod v detalyakh* / Ed. by O. Brednikova, O. Zaporozhets. Moscow, 2014.)
- [Бреславский 2012] — *Бреславский А.* Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991—2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012.
- (*Breslavskij A.* Postsovetiskiy Ulan-Ude: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991—2011 gg.). Ulan-Ude, 2012.)
- [Бугров 2018] — *Бугров К.Д.* Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018.
- (*Bugrov K.D.* Sotsgoroda Bol'shogo Urala. Ekaterinburg, 2018.)
- [Веселкова и др. 2016] — *Веселкова Н., Вандышев М., Прямякова Е.* Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. С. 112—133.
- (*Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E.* Diskurs prirody v molodykh gorodakh // Sociologicheskoe obozrenie. 2016. Vol. 15. № 1. P. 112—133.)
- [Волкова 2021] — *Волкова Д.* Человеко-метры, потребители, «правильные» и «неправильные» жители: репрезентация горожанина в дискурсе о новых жилых районах Москвы // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 3. С. 215—243.
- (*Volkova D.* Cheloveko-metry, potrebiteli, “pravil'nye” i “npravil'nye” zhiteli: reprezentatsiya gorozhanina v diskurse o novykh zhilykh rayonakh Moskvy // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2021. Vol. 20. № 3. P. 215—243.)
- [Дятлов, Григоричев 2015] — *Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи* / Под ред. В.И. Дятлова, К.В. Григоричева. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2015.
- (*Etnicheskiye rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* / Ed. by V.I. Dyatlova, K.V. Grigoričeva. Irkutsk, 2015.)
- [Еманов 2018] — *Еманов А.Г.* Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем. Кафа в мировой торговле XIII—XV вв. М.: Алетейя, 2018.
- (*Yemanov A.G.* Mezhdru Polyarnoy zvezdoy i Poludennym Soltsem. Kafa v mirovoy trgovle XIII—XV vv. Moscow, 2018.)
- [Еманов 2021] — *Повесть о городах Таре и Тюмени* / Исслед., публ., пер., коммент. А.Г. Еманова. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021.
- (*Povest' o gorodakh Tare i Tyumeni* / Ed. by A.G. Yemanov. Tyumen, 2021.)
- [Замятина, Гончаров 2020] — *Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В.* Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 4. С. 69—82.
- (*Zamyatina N.Y., Goncharov R.V.* Arkticheskaya urbanizatsiya: fenomen i sravnitel'nyy analiz // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2020. № 4. S. 69—82.)
- [Игнатьева, Лысенко 2013] — *Игнатьева О., Лысенко О.* Анализ одного проекта: «Пермская культурная революция» глазами социолога // Лабиринт. 2013. № 5. С. 69—80.
- (*Ignat'yeva O., Lysenko O.* Analiz odnogo proekta: “Permskaya kul'turnaya revolyutsiya” glazami sotsiologa // Labirint. 2013. № 5. P. 69—80.)

- [Карбаинов 2005] — *Карбаинов Н.И.* «Нахаловки» Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 192—197.
- (*Karbainov N.I.* "Nakhalovki" Ulan-Ude: grazhdanskoe obshchestvo na vzlётной polose // Otechestvennye zapiski. 2005. № 6. P. 192—197.)
- [Корандей, Агапов 2015] — *Корандей Ф.С., Агапов М.Г.* «Дрейфующая лагуна» или «история одного поколения»? Образ прошлого тюменских краеведов // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: Форум. 2015. С. 109—125.
- (*Korandey F.S., Agapov M.G.* "Dreyfuyushchaya lakuna" ili "istoriya odnogo pokoleniya"? Obraz proshlogo tyumenskikh kraevedov // Situatziya postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki. Moscow, 2015. P. 109—125.)
- [Корюхина, Куклина 2019] — *Корюхина И., Куклина В.* Гетеротопии коммодифицированного жилого пространства (случай Байкальска) // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 36—55.
- (*Koryukhina I., Kuklina V.* Geterotopii kommodifitsirovannogo zhilogo prostranstva (sluchay Baykal'ska) // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2019. Vol. 18. № 1. P. 36—55.)
- [Меерович 2004] — *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР 1924—1937 гг. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2004.
- (*Meerovich M.G.* Rozhdenie i smert' zhilishchnoy kooperatsii: zhilishchnaya politika v SSSR 1924—1937 gg. Irkutsk, 2004.)
- [Митин 2017] — *Митин И.И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 64—79.
- (*Mitin I.I.* Mental'nye karty goroda: istoriya ponyatiya i raznoobrazie podhodov // Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2017. Vol. 2. № 3. P. 64—79.)
- [Мюллер 2019] — *Мюллер Д.* Тирания показателей / Пер. с англ. В. Ионова. М.: Альпина Паблишер, 2019.
- (*Muller J.* The Tyranny of Metrics. Moscow, 2019. — In Russ.)
- [Мюллер 2020] — *Мюллер М.* Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом // Социологическое обозрение. 2020. № 19 (3). С. 19—43.
- (*Myuller M.* Razyskivaya Global'nyy Vostok: myshlenie mezhdru Severom i Yugom // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2020. № 19 (3). P. 19—43.)
- [Орлова 2017] — *Орлова Г.А.* Город институтов: заметки о ядерной топологии // Социология власти. 2017. Т. 29. № 29. С. 68—103.
- (*Orlova G.A.* Gorod institutov: zametki o yadernoy topologii // Sotsiologiya vlasti. 2017. Vol. 29. № 29. P. 68—103.)
- [Рожанский 2002] — *Рожанский М.* Байкальская Сибирь. Фрагменты социокультурной карты. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 2002.
- (*Rozhanskij M.* Bajkal'skaya Sibir'. Fragmenty sotsiokul'turnoy karty. Irkutsk, 2002.)
- [Рожанский 2007] — *Рожанский М.* Байкальская Сибирь. Предисловие 21 века. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2007.
- (*Rozhanskij M.* Baykal'skaya Sibir'. Predislovie 21 veka. Irkutsk, 2007.)
- [Рыжова, Журавская 2021] — *Рыжова Н., Журавская Т.* Время и пространство в современных исследованиях туризма // Социологическое обозрение. Т. 20. № 2. С. 118—137.
- (*Ryzhova N., Zhuravskaya T.* Vremya i prostranstvo v sovremennykh issledovaniyakh turizma // Sotsiologicheskoe obozrenie. Vol. 20. № 2. P. 118—137.)
- [Семенов, Минаева 2021] — *Семенов А.В., Минаева Э.Ю.* Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х гг. // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 189—203.
- (*Semenov A.V., Minaeva E.Y.* Goroda raskhodiyashchikhhsya ulits: razvitie gorodskikh konfliktov v Rossii 2010-h gg. // Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki. Vol. 19. № 2. P. 189—203.)
- [Стась 2022] — *Стась И.Н.* Урбанизация в умах: сталинское «право на город», советская субъективность и практики гражданства в Ханты-Мансийске // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 85—132.
- (*Stas' I.N.* Urbanizatsiya v umakh: stalinskoe "pravo na gorod", sovetskaya sub"ektivnost' i praktiki grazhdanstva v Khanty-Mansiyske // Antropologicheskij forum. 2022. № 52. P. 85—132.)
- [Тимофеев 2017] — *Тимофеев М.* Город красной зари. Иваново. Неканонический путеводитель. Иваново: А-Гриф, 2017.
- (*Timofeev M.* Gorod krasnoy zari. Ivanovo. Nekanonicheskiy putevoditel'. Ivanovo, 2017.)
- [Трубина 2014] — *Трубина Е.* «По-большому»: городская инфраструктура и власть над пространством // Неприкосновенный запас. 2014. № 2. С. 175—196.
- (*Trubina E.* "Po-bol'shomu": gorodskaya infrastruktura i vlast' nad prostranstvom // Neprikosnovennyy zapas. 2014. № 2. P. 175—196.)
- [Трубина 2020] — *Трубина Е.* Глобальный Восток и глобус // Социологическое обозрение. 2020. № 19 (3). С. 102—129.

- (Trubina E. Global'nyy Vostok i globus // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2020. № 19 (3). P. 102—129.)
- [Тыканова, Хохлова 2020] — Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов в Нижнем Новгороде: стратегическая интеракционная перспектива // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14—16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 2774—2785.
- (Tykanova Ye. V., Khokhlova A. M. Mnozhestvennyye stsennarii razvitiya gorodskikh lokal'nykh konfliktov v Nizhnem Novgorode: strategicheskaya interaktsionnaya perspektiva // Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa (Tyumen', 2020 October 14—16) / Ed. by V. A. Mansurov. Moscow, 2020. P. 2774—2785.)
- [Фуко 2013] — Фуко М. Мы пытались сформулировать идею интеллектуала, говорящего только исходя из области своего опыта / Пер. с фр. К. Саркисова // Неприкосновенный запас. 2013. № 2. С. 88—90.
- (Foucault M. L'inquiétude de l'actualité. (Un entretien inédit avec Michel Foucault, enregistré en juin 1975 par Roger-Pol Droit) // Neprikosnovennyi zapas. 2013. № 2. P. 88—90. — In Russ.)
- [Badyina, Golubchikov 2005] — Badyina A., Golubchikov O. Gentrification in central Moscow — a market process or a deliberate policy? Money, power and people in housing regeneration in Ostozhenka // Geografiska Annaler. Series B: Human Geography. 2005. Vol. 87. Iss. 2. P. 113—129.
- [Badyina, Golubchikov 2014] — Badyina A., Golubchikov O., Makhrova A. The hybrid spatialities of transition: capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring // Urban Studies. 2014. Vol. 51. Iss. 4. P. 617—633.
- [Ball 2012] — Ball S. J. Performativity, commodification and commitment: an I-Spy guide to the Neoliberal University // British Journal of Educational Studies. 2012. Vol. 60 (1). P. 17—28.
- [Batunova, Gunko 2018] — Batunova E., Gunko M. Urban shrinkage: an unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities // European Planning Studies. 2018. Vol. 26. № 8. P. 1580—1597.
- [Ermolaeva et al. 2020] — Ermolaeva P., Ermolaeva Y., Kuznetsova I., Bashева O., Korunova V. Environmental issues in Russian cities: towards the understanding of regional and national mass media discourse // Russian Journal of Communication. 2020. Vol. 12 (1). P. 48—65.
- [Fulton et al. 2021] — Fulton W., Mokrushina K., Witt A., Fedorowicz N. A Tale of Two Departments: Public Health in Harris County and the City of Houston. Houston: Rice University Kinder Institute for Urban Research, 2021. <https://doi.org/10.25611/5S5R-EB18>
- [Gavrilova 2021] — Gavrilova S. Regional Memories of the Great Terror: Representation of the Gulag in Russian Kraevedcheskii Museums // Problems of Post-Communism. 2021. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1885981>
- [Harvey 1987] — Harvey L. The nature of “schools” in the sociology of knowledge: the case of the “Chicago School” // Sociological Review. 1987. Vol. 35. № 2. P. 245—278.
- [Hay 2001] — Hay I. Critical geography and activism in higher education // Journal of Geography in Higher Education. 2001. Vol. 25. P. 141—146.
- [Kennedy 2016] — Kennedy A. World of Struggle: How Power, Law, and Expertise Shape Global Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- [Korableva et al. 2021] — Korableva E., Shirobokova I., Pachenkov O., Bernt M. Dwelling in failure: power and uncertainty in a socialist large housing estate regeneration program in Saint Petersburg, Russia // Journal of Housing and the Built Environment. 2021. <https://doi.org/10.1007/s10901-021-09924-y>
- [Mueller, Trubina 2020] — Mueller M., Trubina E. The Global Easts in global urbanism: views from beyond North and South // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61. Iss. 6. P. 627—635. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1777443>
- [Robinson 2015] — Robinson J. Thinking cities through elsewhere: Comparative tactics for a more global urban studies // Progress in Human Geography. 2015. Vol. 40. № 1. P. 3—29.
- [Rosen 2021] — Rosen R. Participatory research in and against time // Qualitative Research. 2021. <https://doi.org/10.1177/14687941211041940>
- [Shevchenko 2009] — Shevchenko O. Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2009.
- [Steets, Frank 2010] — Steets S., Frank S. Stadium Worlds. Football, Space and the Built Environment. London: Routledge, 2010.
- [Trubina 2020a] — Trubina E. Discussing the Use of Public Goods for Private Ends // Javnost. Ljubljana, Slovenia. 2020. Vol. 27. № 1. P. 65—79.
- [Trubina 2020b] — Trubina E. Sidewalk fix, elite maneuvering and improvement sensibilities:

- The urban improvement campaign in Moscow // *Journal of transport geography*. 2020. Vol. 83. <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2020.102655>
- [Trubina et al. 2020] — *Trubina E., Gogishvili D., Imhof N., Müller M.* A part of the world or apart from the world? The postsocialist Global East in the geopolitics of knowledge // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. № 6. P. 636—662.
- [Zhel'nina 2021] — *Zhel'nina A.* Bring Your Own Politics: Life Strategies and Mobilization in Response to Urban Redevelopment // *Sociology*. 2021. Vol. 56. Iss. 4. P. 783—799. <https://doi.org/10.1177/00380385211059438>
- [Zupan et al. 2021] — *Zupan D., Smirnova V., Zadorian A.* Governing through stolichnaya praktika: Housing renovation from Moscow to the regions // *Geoforum*. 2021. Vol. 120. P. 155—164.